

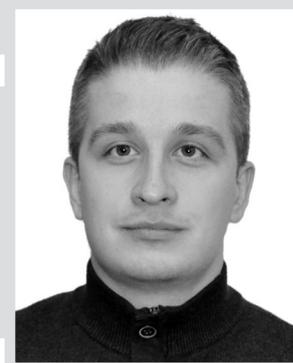
УДК 343. 2

Законодательство о противодействии экстремизму в Российской Федерации и Республике Казахстан: сравнительный анализ



Балеев С.А.

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права
Казанского (Приволжского) федерального университета



Файзрахманов Р.Р.

Аспирант кафедры уголовного права
Казанского (Приволжского) федерального университета,
помощник прокурора Вахитовского района г. Казани

Статья посвящена вопросу регламентации ответственности за преступления экстремистской направленности в законодательстве Российской Федерации и Республики Казахстан. Аргументируется вывод о том, что уголовно-правовая политика государств, в частности, России и Казахстана при естественных различиях в определении понятийного аппарата применительно к экстремизму и его толкованию должна быть единой в части четкого законодательного определения объективных и субъективных признаков составов преступлений экстремистской направленности, в том числе об ответственности за организацию и участие в экстремистском объединении, представляющего возможность правоприменителю применять уголовно-правовые нормы на практике.

Ключевые слова: экстремизм, понятие экстремизма, противодействие экстремизму, виды экстремизма, преступления экстремистской направленности.

«Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» [1], являясь основой противодействия экстремизму и легальным первоисточником определения этого понятия как в правовом поле Российской Федерации, так и Республики Казахстан, связывает экстремизм исключительно с совершением какого-либо деяния, направленного на насильственный захват власти или ее удержание, насильственное изменение конституционного строя государства. Таковым считается и насильственное посягательство на общественную безопасность, в частности, организация незаконных вооруженных формирований или участие в них в вышеназванных целях.

Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму, подпи-

санная в Астане 9 июня 2017 г. и ратифицированная Россией и Казахстаном, понятие экстремизма трактует более широко: как идеологию и практику, которые направлены на разрешение политических, социальных, расовых, национальных и религиозных конфликтов путём совершения насильственных и антиконституционных действий [2].

Как и в Российской Федерации, где правовой основой противодействия экстремизму на национальном уровне является Федеральный закон от 25 июля 2001 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее – Закон № 114-ФЗ) [3], в Республике Казахстан действует Закон от 18 февраля 2005 г. № 31 «О противодействии экстремизму» (далее – Закон РК № 31) [4].

Следует отметить, что подходы к определению экстремизма в законодательстве двух стран несколько отличаются.

Отдельные из них, как, например, отнесение Законом РФ № 114-ФЗ террористической деятельности к экстремистской и отсутствие такого указания в законе Республики Казахстан, практической значимости, на наш взгляд, не имеют, поскольку обусловлены различными подходами к юридической технике. Тем более что терроризм есть крайнее проявление экстремизма, а противодействие террористической деятельности в двух государствах регламентируется специальным законодательством [5; 6].

Представляет интерес то, что казахстанский законодатель выделяет три вида экстремизма – политический, национальный и религиозный, поскольку такого рода дефиниции отсутствуют не только в российском законодательстве, но и в аналогичных законах стран Содружества Независимых Государств, равно как и в Модельном законе государств – участников СНГ «О противодействии экстремизму» [7]. Вместе с тем классификация экстремистских деяний по видам разжигаемой ими розни является значимой, скорее в научном плане, нежели в законодательном, ведь ст. 174 УК Республики Казахстан регламентируется ответственность не за деятельность, отнесенную к той или иной разновидности экстремизма, а за разжигание розни определённых видов [8].

Специфичным для законодательства о противодействии экстремизму в Казахстане следует признать отнесение к числу экстремистских целей наряду с разжиганием социальной, расовой, национальной или религиозной розни разжигание родовой и сословной розни [9-11]. Следует предположить, что таким явлениям, характерным скорее не для XXI в., а для предшествующих исторических периодов, когда сословный порядок «устанавливает в обществе не единство, а рознь, которая, в свою очередь, ведет к борьбе, а борьба – к победе сильнейших над слабейшими» [12], серьезное значение придается в силу признания законодателем фактического наличия в обществе отдельных элементов средневекового уклада жизни и необходимости их преодоления.

Подобный законодательный подход прослеживается в конструкции отдельных квалифицированных составов убийства в уголовном законодательстве России.

Так, до вступления в силу Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму» [13], п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ к квалифицирующим признакам убийства относил его совершение по мотивам национальной, расовой,

религиозной ненависти или вражды либо *кровной мести* (курсив С.А., Р.Р.).

Названным законом убийство по мотиву кровной мести, как обычая, сложившегося при родовом строе в качестве универсального средства защиты и состоящего в обязанности родственников убитого отомстить убийце или его родным, определено в качестве самостоятельного квалифицированного вида этого преступления (п. «е. 1» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

П. «л» действующей редакции регламентирует ответственность за убийство, совершенное по экстремистским мотивам, т.е. по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти, или вражды, по мотивам ненависти, или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

В российской уголовно-правовой науке присутствует мнение, что мотив кровной мести искусственно выведен из числа экстремистских, поскольку род (семья), очевидно, является социальной группой, а совершение преступления по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы является преступлением экстремистской направленности [14; 15].

Мы эту позицию не разделяем, поскольку названные понятия являются различными по значению, а потому решение российского законодателя представляется весьма логичным.

Что касается преступлений, совершаемых по мотиву «сословной розни», то теоретически, конечно, их можно отнести к числу совершаемых по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, однако в реальной правоприменительной практике ответственность за них исключена ввиду отсутствия не только законодательно закреплённого, но и общепринятого понятия «сословие», поскольку это социальное явление отсутствует в современных реалиях.

У понятий экстремизма, используемых в законодательстве России и Казахстана, имеется одна общая и, на наш взгляд, весьма значимая положительная характеристика: обоснованность общественной опасности и, соответственно, противоправности этого крайнего проявления ксенофобии.

Это тем более важно в условиях, когда большинство специалистов едины в том, что универсальное определение экстремизма, как сложнейшего социального, политического и правового феномена, возможно только на самом общем уровне, а потому является серьезной методологической проблемой [16; 17].

Присутствует мнение, что в основе экстремизма лежит *естественное* (курсив С.А., Р.Р.) столкновение интересов и противоречий религиозного, политического, экономического, социального, этнического, конфессионального характера, когда одна из сторон такого противостояния переходит к крайним методам решения этих проблем, т.е. зачастую имен-

но безысходность подталкивает к экстремальным действиям [18].

Отдельные авторы понимают экстремизм как «деятельность, направленную на преодоление неопределённости и неустойчивости “институализированной среды риска”» [19].

М. Койчукулов считает, что «природа экстремизма носит протестный характер: неудовлетворенность политическим режимом, социальным неравенством, положением в обществе определённых социальных слоёв, этнических, расовых и конфессиональных групп» [20].

Мы присоединяемся к специалистам, отмечающим, что экстремизм представляет собой «олицетворение негативных противоправных проявлений, имеющих своей целью породить у членов мирового сообщества сомнение в возможности поддержания стабильности в мире на принципе демократии, уважения прав и свобод человека и гражданина» [21], поскольку экстремизм является формой политической деятельности, которая отрицает принципы парламентской демократии и сформирована на идеологии нетерпимости, отчуждения, ксенофобии, антисемитизма и ультранационализма [22].

Специалисты отмечают, что особенностями экстремизма в современном мире является рост его масштабов, усиление потенциала и влияния экстремистских организаций, расширение информационной, тактико-стратегической, финансовой, идеологической, психологической, ресурсной взаимосвязанности экстремистских сообществ [23].

Считаем, что уголовно-правовая политика государств, а в частности, России и Казахстана при естественных различиях в определении понятийного аппарата применительно к экстремизму и его толкованию должна быть единой в части четкого законодательного определения объективных и субъективных признаков составов преступлений экстремистской направленности, в том числе об ответственности за организацию и участие в экстремистском объединении, представляющего возможность правоприменителю применять уголовно-правовые нормы на практике.

Литература:

1. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, вступившая в силу 29 марта 2003 г. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3405>.
2. Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/542655220>.
3. Федеральный закон от 25 июля 2001 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3031.
4. Закон Республики Казахстан от 18 февраля 2005 г. № 31 «О противодействии экстремизму». – URL: <https://tengrinews.kz/zakon/parlament-respubliki-kazahstan/natsionalnaya-bezopasnost/id-Z050000031/>.
5. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // СЗ РФ. – 2006. – № 11. – Ст. 1146.
6. Закон Республики Казахстан от 13 июля 1999 г. № 416 «О противодействии терроризму». – URL: <https://tengrinews.kz/zakon/parlament-respubliki-kazahstan/ugolovnoe-pravo/id-Z990000416/>.
7. Модельный закон государств – участников СНГ «О противодействии экстремизму», принятый на 32 пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ (постановление № 32-9 от 14 мая 2009 г.). – URL: <https://www.cisatc.org/1289/135/154/250>.
8. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V ЗПК. – URL: <https://tengrinews.kz/zakon/parlament-respubliki-kazahstan/konstitutsionnyi-y-stroy-i-osnovnyi-gosudarstvennogo-upravleniya/id-K1400000226/>.
9. Никитин А.Г. Вопросы противодействия экстремизму в законодательстве стран СНГ // Журнал российского права. – 2013. – № 12. – С. 94-99.
10. Борисов С.В., Жеребченко А.В. Возбуждение ненависти, вражды, унижение человеческого достоинства: проблемы установления и реализации уголовной ответственности / Отв. ред. д.ю.н. С.В. Борисов. – М.: ИД «Юриспруденция», 2015. – 257 с.
11. Власов И.С., Голованова Н.А., Артемов В.Ю. и др. Уголовное законодательство зарубежных стран в борьбе с экстремизмом: сравнительно-правовое исследование / Отв. ред. И.С. Власов. – М.: «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации»; «КОНТРАКТ», 2014. – 132 с.
12. Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Т. I-III. – М.: Типография товарищества И.Н. Кушнерев и Ко., 1894. – URL: <https://internet.garant.ru/#/document/3948892/paragraph/1531/doclist/1671/>.
13. Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму» // СЗ РФ. – 2007. – № 31. – Ст. 4008.
14. Большой юридический словарь. – М.: Инфра-М, 2003. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/15770>.
15. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. 2-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1982. – 1600 с.

16. Агарков О.П., Осяк В.В., Понежина Л.Ю. Некоторые вопросы административно-правового регулирования противодействия экстремизму в современной России // Юристъ-Правоведъ. – 2019. – № 1 (88). – С. 30-34.
17. Ищенко С.А. Административно-правовые и другие аспекты экстремизма в современном обществе (история, становление и развитие) // Административное право и процесс. – 2018. – № 5. – С. 13-22.
18. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. – 1994. – Вып. 5. – URL: https://igiti.hse.ru/data/417/313/1234/5_2_1Gidd.pdf.
19. Чудинов С.И. Экстремизм и научный образ экстремизма: столкновение мировоззренческих парадигм // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 18. – С. 158-162.
20. Койчукулов М. Факторы религиозного экстремизма // Казахстан-Спектр. – 2002. – № 22. – С. 10-14.
21. Токкожин К.Б. Правовые и организационные основы противодействия терроризму и экстремизму на современном этапе. – Актобе: Актобинский юридический институт МВД РК им. Букенбаева, 2015. – 161 с.
22. Резолюция Парламентской Ассамблеи Совета Европы 1344 (2003) «Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе». – URL: [https://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/\[Russian_documents\]/\[2003\]/\[Sept_2003\]/Res%201344%20Rus.asp](https://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/[Russian_documents]/[2003]/[Sept_2003]/Res%201344%20Rus.asp).
23. Ольшанский Д.В. Психология террора. – Екатеринбург: Деловая книга, М.: Академический проект, ОПШЛ, 2002. – 215 с.

Legislation on Countering Extremism in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan: a Comparative Analysis

*Baleev S.A., Fayzrakhmanov R.R.
Kazan (Volga Region) Federal University*

The article is devoted to the regulation of responsibility for extremist crimes in the legislation of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. The conclusion is argued that the criminal law policy of States, and in particular, Russia and Kazakhstan, with natural differences in the definition of the conceptual apparatus in relation to extremism and its interpretation, should be unified in terms of a clear legislative definition of objective and subjective features of extremist crimes, including responsibility for organizing and participating in an extremist Association, which makes it possible for the law enforcement officer to apply criminal law norms in practice.

Key words: extremism, the concept of extremism, countering extremism, types of extremism, crimes of extremist orientation.

